

На XXXV Международном кинофестивале, проходившем в западногерманском городе Мангейме, главного приза и приза ФИПРЕССИ был удостоен советский фильм «Письма мертвого человека». Его режиссер — дебютант в большом кино — Константин ЛОПУШАНСКИЙ. Выпускник Высших курсов сценаристов и режиссеров, он уже своей дипломной работой — короткометражной лентой «Соло» — обратил на себя внимание. Картина завоевала ряд премий на всесоюзных и международных фестивалях. Те, кто видел ее, ждали следующего слова режиссера. Правда, ждать пришлось довольно долго — почти четыре года...

И вот наконец час Большого успеха!

— Что вы испытываете сейчас?

— Глубокое облегчение от того, что работа завершена. И, как оказалось, — успешно.

Я до сих пор, по инерции, испытываю удивление, что картина все-таки дошла до экрана. Это, конечно, шутка, но в ней есть большая доля правды. Потому что путь фильма от замысла до воплощения был очень сложен. Многие люди, от которых зависела его судьба, довольно часто брали на себя право говорить от имени мифического зрителя, что ему якобы будет непонятно и неинтересно, а может быть, даже и страшно смотреть нашу картину. Пытались навязать нам, ссылаясь на этого же «зрителя», какие-то решения. Многие конфликты, возникавшие на пути картины к экрану, и создавали ощущение, что она никогда не дойдет до него. Но, как видите, мы преодолели преграды, и нам удалось убедить все «инстанции» в правоте своей точки зрения. Что испытываю сейчас? Волнение! На встречах со зрителями, на просмотрах, на премьере и, конечно же, на фестивале в Мангейме волновался, как при сдаче материала на студию. Думаю, что такое

волнение испытывали все члены группы и актеры.

— Думали ли вы о следующих ваших картинах? Будут ли они совершенствованием накопленного в этой работе? Продолжится ли тема «Писем...» и какие она может иметь повороты?

— Если считать темой фильма угрозу ядерного апокалипсиса, то для меня ее продолжение практически невозможно. Хочется найти какую-то новую дорогу, развивая накопленное, достигнутое, отталкиваясь от того, что сделано. Это желание, надеюсь, будет стимулировать работу над следующими фильмами. Было бы нелепо повторять то, что сделано в этой картине, — ее образность и стилистику, но есть в ней вещи, принципиально дорогие для меня, в которых мне удалось в той или иной мере сформулировать свое эстетическое кредо как кинематографиста.

— Ваш фильм — грозное предостережение о ядерной опасности, и на это прежде всего обратили внимание его рецензенты и зрители.

Советская культура 1986,
Константин Лопушанский:

С надеждой смотрим в будущее

Но мне не менее дорого в вашем фильме то, что противостоит всем этим ужасам, — гимн человеку, мощи человеческого интеллекта, поиски нравственного идеала.

— Эти пласты взаимосвязаны, неразделимы. И вообще смысл картины, как она задумывалась и, мне кажется, состоялась, шире, чем только проблема ядерной катастрофы. Фильм говорит и о том, что сегодня, быть может, как никогда раньше, наполняются изначальным смыслом понятия «мораль», «гуманизм», «нравственность». Ибо за ними или за отсутствием в человеческом слове таких понятий — либо жизнь во всей многомерности слова, либо пропасть. Полное смещение всех этих понятий — и врач оставляет на гибель больных детей, ни на миг не сомневаясь в правоте своего страшного прагматизма. Делая нашу картину, мы хотели, чтобы предостережение и от такого кризиса — нравственного, психологического, кризиса культуры — прозвучало в ней с наименьшей силой, чем главная ее тема. Камертон же человечности, чистоты, надежды, мудрости в фильме — это образ, созданный Р. Быковым, это линия детей, это эпизод, когда они в подземелье, на последнем острове жизни, среди грохочущей смерти, наряжают елку.

Не хотелось бы говорить громких, торжественных слов о поисках нравственного идеала,

но по сути они продолжают у каждого художника всю жизнь. Думаю, что я не исключение. Без этого просто нельзя работать в искусстве, одна из целей которого именно поиски нравственного идеала и его соотношение с проблемами своего времени, с тем, что ему не соответствует или мешает. Все мы воспитаны на традициях русской и советской литературы, для которой эта тема всегда была главной.

— Ваша картина «Письма мертвого человека», сделанная в жанре фантастики, содержит много достоверных деталей...

— Это заслуга художников, оператора и других, словом, всех тех, кого объединила картина.

Есть правда сознания художника, ломающая правду непосредственного факта. На экран все-таки попадают результаты — осмысленные образы и явления. Поэтому в фильме должна возникать реальность, не вызывающая сомнений в своей достоверности.

— Не считаете ли вы, что жанр фантастики в нашем кино давно неблагополучен?

— Мне кажется, существуют две тенденции в развитии этого жанра. Я сторонник той, что обращается к современности, трансформирует ее проблемы через метафору, образ, определенное преувеличение, создавая тем самым не-

кое инобытие, мир, в котором можно осмыслить какие-то вещи более философски, более широко. А есть другой род кинофантастики, которая близка к жанру сказки: я называю ее «фанерной» фантастикой. Это довольно легковесное зрелище, основывающееся на малоправдоподобных, выдуманных историях, цель которых — развлечь зрителя и в конце выдать незатейливое поучение. Быть может, такие произведения тоже нужны, но в небольшом количестве.

— Вы профессионально занимались музыкой, окончили консерваторию. Как это отразилось на вашей работе в кино?

— Музыка дала очень много. В частности, обостренное чувство формы произведения. До сих пор мне кажется, что какие-то вещи легче передать музыкой, чем словами.

— Ваши планы?

— Братья Стругацкие сейчас пишут для меня сценарий фантастического фильма.

Его сюжет будет во многом касаться современных проблем человечества, причем очень острых.

Беседу вела
Елена БОКШИЦКАЯ.